

К проблеме канонического сознания (Особенности судьбы церковных канонов на Руси)

Сейчас, когда Православие приобрело статус «наиболее уважаемой религии», а Православная Церковь превратилась во «влиятельную общественную организацию», вопрос о самоидентификации, о самоопределении Церкви становится одним из наиболее актуальных. Если в XIX в. устройство Церкви и ее деятельность определялись государственным законодательством, то в настоящее время Церковь обладает определенной автономией и сама определяет свое устройство.

Сегодня ссылки на «священные каноны» как основу устройства Церкви звучат вполне привычно. Их делают, часто не задумываясь о том, насколько это соответствует действительности. Мысль о неизменности канонов становится общим местом в церковной печати. Так, издатели Кормчей 1998 г. в предисловии к своему изданию пишут: «Впервые после 1913 г. издается полный сборник церковных правил, предназначенный отцами Церкви для руководства в жизни каждого христианина на все времена и во всех жизненных обстоятельствах...»¹

Правда, сами каноны приводятся не тогда, когда нужно объяснить некоторые спорные обычаи в жизни церкви, которые нуждаются в обосновании, а тогда, когда выдвигается обвинение в нарушении канонов. Впрочем, эта ситуация была и в начале века. Как писал Н. П. Аксаков, «каноны хранятся на случай, когда придется устрашить ими непокорного, как притупленный меч... дабы при наступившей опасности припугнуть им разбойника... хотя владелец сам не умеет уже владеть мечом»².

Казалось бы, в прошлом веке русская церковная наука создала много добротных учебников канонического права: достаточно указать на работы А. С. Павлова, И. Бердникова, Н. С. Суворова, М. Остроумова. Однако в этих учебниках мы не найдем критики синодального строя с его полной подчиненностью Церкви

¹ Кормчая (Номоканонь). Отпечатана с подлинника патриарха Иосифа. Изд. третье, стереотипное. Научн. консультанты: свящ. Владимир Дмитриев, Бовкало А. А. СПб.: Воскресение, 1998. С. 2.

² Церковный голос. 1906. № 17. *Н. П. Аксаков*. Несколько примечаний к канонам.

государственному устройству. Наоборот, историки Церковного права находят оправдание упразднению Патриаршества и существованию Духовной коллегии – Святейшему Синоду. Учебники умалчивают о «хаосе противоречий между древними и новыми нормами, между вселенским каноническим преданием и современной юридической действительностью»¹. Только когда законодательным органом стала Государственная Дума и, следовательно, внеконфессиональной Думе стало принадлежать право распоряжаться и участью Церкви, канонисты начали писать о том, что по существующему законодательству даже Поместный Собор не сможет издать законы, изменяющие положение Церкви².

При обращении к Церковным канонам не всегда учитывают некоторые исторические моменты, определившие особенности канонического сознания.

1. Церковные каноны, утвержденные Вселенскими Соборами, предполагали единство общества и существование единых правовых норм и выполнения определенных функций гражданской властью. В кодексе и новеллах императора Юстиниана каноны соборов уравнивались с государственными законами. Равным образом и законодательство императоров принималось Церковью. Имущественное положение епископов, монахов регулировалось не церковным, а светским законодательством. Брачное право, хотя и оставалось исключительно в Церковной компетенции, но и по отношению к нему применялось законодательство императоров, в том числе и новеллы XI в.

2. Уже в XII в. каноны были снабжены комментариями, из которых особенно известны комментарии Алексея Аристина, Иоанна Зонары и Федора Вальсамона. Эти комментаторы расходились в понимании отдельных канонов и отмечали определенное несоответствие практики и канонов. В Константинополе существовали различные виды сборников Церковных канонов, в XIV в. появились две сокращенные обработки – Константина Арменопула и Матфея Властаря, которые впоследствии пользовались наибольшей популярностью. В Константинополе традиция истолкования канонов не прекращалась и в годы турецкого завоевания. Суд над христианами по законам Османской империи принадлежал Константинопольскому патриарху, что способствовало сохранению юридической традиции. И, однако, суровый приговор церковной

¹ *Верховский П. В.* Политика и право в делах церковных. Берлин, 1913. «Привести этот хаос к логическому единству без переработки всего русского Церковно-правового законодательства совершенно невозможно».

² *Верховский П. В.* О необходимости изменить русские Основные Законы в пользу законодательной независимости Православной Русской Церкви // Церк. Правда. Берлин, 1913. № 2.

действительности был дан в 1800 г. издателями греческой Кормчей «Пидалион» святогорцами Никодимом и Агапием: «Конечно, придет в недоумение тот, кто с точки зрения священных канонов обозрит церковные дела настоящего времени, он не найдет в них ни малейшего подобия делам прежних времен, чтобы как-нибудь разрешить свое недоумение. Ныне все клирики незаконно получают свою степень, незаконно живут и умирают, от чего и цепи рабства продолжают и становятся тяжелее. А мы остаемся в бесчувственности и еще бесстыднее незаконничаем»¹. Цель издателей греческой Кормчей была «искоренить различные беспорядки, утвержденные давно обычаем и некоторым образом канонизованные уже бывшими дотоле в употреблении источниками церковного права»².

3. Судьба канонов в славянском мире – это особая и мало разработанная проблема. Распространение канонических сборников и применение церковных канонов в жизни – две несовпадающие темы. Если над изучением первой работал ряд историков, то вторая может считаться почти неисследованной.

Можно наметить два периода в истории распространения канонических сборников на Руси: до конца XV в., когда сборники переводились, переписывались и активно перерабатывались в соответствии с целями составителей (в основном с целью сделать своды более компактными и доступными), и второй, начиная с XVI в., когда митрополит Даниил начинает пресекать попытки создания тематических сборников и высказал взгляды на неизменность состава Кормчей (подобно издателям Кормчей 1998 г.).

Задачу привести церковную жизнь в соответствие с «правилами святых Апостолов» ставил перед собой Стоглав, однако Стоглав больше ориентировался на церковный обычай, а не на действительные правила. Можно привести множество примеров того, что отсылки к «правилам святых отец» в русских средневековых текстах не означали ссылку на определенное правило, а предполагали соответствие данной нормы церковному обычаю.

4. В основу печатной Кормчей как 1650 г. патриарха Иосифа, так и 1653 г. патриарха Никона была положена редакция Кормчей святого Саввы (то есть усеченные правила с толкованием Алексея Аристина). Эта редакция почти без изменения перепечатывалась на протяжении как XVII, так и XVIII вв. Она не включала правил, созданных на Руси. Этот факт также способствовал закреплению представления о неизменности Церковных канонов. Сделанные в XVII в. переводы Греко-римского права

¹ *Никольский И.* Греческая кормчая «Пидалион». М., 1888. С. 163.

² Там же. С. 164.

Лювенклава и Эпитоми Константина Арменопула, не получили распространения и не были напечатаны. Повторяющиеся издания Кормчей породили представление об исключительной авторитетности и неизменности ее состава, так что монахи в Сербии восстановили утраченное начало Хиландарского сборника, одной из древнейших рукописей Сербской Кормчей (XIV в.), по печатной Никоновской Кормчей¹.

5. Русское церковное законодательство XVIII в. меньше всего ориентировалось на церковные каноны (ссылки на них отсутствуют в Духовном регламенте), однако уважение к канонам было сохранено: Духовный регламент предписывал читать их епископам во время трапезы. В XIX в., как писал проф. Московского университета Н. К. Соколов, «в существующем Уставе духовных консисторий в ряду оснований для церковного управления и суда между другими поставлены и «каноны, или правила святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и Поместных святых отец», то есть вообще все, содержащееся в древнем каноне... в различных определениях Устава нет ни одной ссылки на древние каноны, как на основания, не видно ни откуда, есть ли даже для целого учреждения, определяемого уставом, какое-либо каноническое основание»².

6. Издание в 1834 г. Книги Правил, хотя перевод и был сделан с полного текста канонов, было не решением вопроса о каноническом наследии, а скорей загнало его окончательно в тупик³. Каноны были помещены без каких-либо комментариев, кроме того круг текстов, вошедших в Книгу Правил, по сравнению с Кормчей был значительно ограничен: не вошло императорское законодательство. Это было тем более парадоксально, если учесть, что в компетенции церковного суда в XIX в. законодатели оставили область брачного права, а именно оно и не входило в те правила, которые содержались в Книге Правил. Отсюда и необходимость по-прежнему обращаться к Кормчей (см. работы Г. Розенкампа, М. Горчакова, А. С. Павлова). Никаких указаний по возможности применения ее текстов в русской церковной действительности Книга Правил не содержит. В 80-е годы Общество любителей духовного просвещения начало издавать пра-

¹ *Троицки С.* Хиландарски Номоканон // Хиландарски Зборник. I. Београд, 1966. С. 81.

² *Соколов Н. К.* Из лекций по церковному праву. М., 1874. Вып. 1. С. 146.

³ На Поместном соборе В. Н. Бенешевич отмечал, что «сама «Книга Правил» не может считаться удовлетворительной ни с точки зрения русского перевода, ни по качествам греческого текста, с которого сделан перевод». Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994 (репр.). Т. 3. С. 15.

вила с текстом толкований. Полный состав этого издания отсутствует даже в центральных московских библиотеках, и оно практически недоступно.

7. Отсутствие традиции истолкования канонов стало очевидным в XIX в. Уже в спорах об автокефалии Болгарской церкви выявились расхождения в понимании канонов. Как писал Н. К. Соколов, «едва ли в какой-либо другой сфере положительного права возможен такой простор для разногласий по самым, по-видимому, главным вопросам управления, как в области церковного права. Обыкновенно о праве Церкви говорят как о самом твердом и точном в своих основаниях, но на деле выходит противное... Эти явления... указывают на невыработанность и неопределенность самых основных положений церковного права, на отсутствие юридических начал в нем»¹. И все-таки в церковной прессе настойчиво утверждалось, что каноны, «содержащиеся в Книге Правил, неизменны, авторитет их неприкосновенен, они всецело непоколебимы»². Н. К. Соколов писал о том, что сторонники неизменности канона не делают практических выводов, забывая о связи канонов со всем строем жизни, что усвоение теории о неизменности канона законодательной властью привело бы к тому, что «под прикрытием канона, на словах постоянно выражая глубокое уважение к нему, в то же время постоянно пришлось бы отступать от него в законодательстве и практике, создавать законодательство без принципов и практику жизни отдавать в руки произвола и личного устройства»³.

8. Идея возвращения к каноническому строю стала основной для сторонников созыва Поместного Собора. Однако отсутствие традиции ориентации на каноны, а также оценки современности с точки зрения канонов и серьезных разработок в области канонического права стало препятствием и предметом многочисленных споров.

Вопрос о том, какое место занимают церковные каноны, возможно ли изменение канонов и допустимо ли создание новых канонов был поднят уже на первом заседании Предсоборного присутствия. Здесь сторонники сохранения неизменности церковных порядков Синодальной Церкви высказывали мнение о неизменности канонов (Н. Н. Глубоковский «Сами каноны решительно объявляют себя твердыми и нерушимыми (VI Вселенский Собор, правило 2), «несокрушимыми и непоколеблемыми» (VII) и постулируют к уважительному соблюдению их (IV Вселенский

¹ Соколов Н. К. Из лекций. С. 147.

² Христианское чтение. № 9. 1869 г. Приложения к творениям св. отцов. 1871. Кн. 2. С. 259.

³ Соколов Н. К. Из лекций. С. 155.

Собор, правило 1, особенно для пастырей)»¹. Наоборот, сторонники изменений и восстановления канонических норм в жизни Церкви говорили о необходимости правильного понимания канонов, о задачах прочтения канонов в их историческом контексте с тем, чтобы был понят смысл канонов. Уже цитированный выше Н. П. Аксаков выступает отнюдь не противником канонов, а противником их произвольного толкования. «В канонах – обеспечение «свободы Церкви и свободы верующего, а потому и отступление от них справедливо почитает III Вселенский Собор «посягательством на свободу всех»². Итак, каноны дают защиту от произвола как государственного, так и отдельных личностей, в том числе церковных иерархов, и об этом имеется немало примеров из церковной истории в годы последних гонений.

9. Наиболее часто высказывался взгляд со стороны епископов о необходимости различать в канонах существенное от временного, изменяемого. Архиепископ Херсонский Димитрий отмечал, «что в канонах твердо должно быть соблюдаемо существенное, основное, а подробности могут быть изменяемы Церковью применительно к обстоятельствам жизни»³. Вместе с тем для него было очевидно, что жизнь не вмещалась в формы, поставленные канонами, и пошла мимо этих форм⁴.

10. Неоднократно вопрос о понимании канонов вставал и на заседаниях Поместного собора и его отделов. Отделы не могли приступить к разработке вопросов, не выяснив, что же говорят каноны по конкретным вопросам. Особенно хорошо это видно на примере Отдела церковной дисциплины – отдела, которого не было в Предсоборном присутствии, и материалы, для работы которого не были подготовлены заранее.

По заявлению 30 епископов⁵ было принято решение о создании кодификационной комиссии при Святейшем Синоде из канонистов и юристов для составления Сборника «действующего церковного права», куда предполагалось включить правила из Кормчей, Номоканона патриарха Фотия, Номоканона при Большом Требнике, Синтагмы Матфея Властаря и других сборников, с тем,

¹ Журнал Предсоборного Присутствия (далее ЖПП) I, 159. Ср. высказывание Н. К. Соколова: «Мнение о неотменяемости и неизменяемости канона не может быть признано за церковное, выражающее особый взгляд и понимание самой Церкви. Как частное мнение оно не может быть усвоено, потому что не имеет оснований ни канонических, ни исторических». *Н. К. Соколов*. Из лекций. С. 154–155.

² ЖПП I, XI.

³ ЖПП I, 137.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Заявление было подписано Феофаном, епископом Калужским, и 29 епископами.

чтобы этот сборник наравне с Книгой Правил составил канонический кодекс Православной Церкви. В состав этой комиссии вошли В. Н. Бенешевич (расстрелян в 1938 г.), И. И. Соколов, И. М. Громогласов (расстрелян в 193? г.), П. Н. Лапин, Н. Н. Фиолетов¹. По-видимому, комиссия так и не преступила к своей деятельности.

На предпоследнем (169) заседании Поместного Собора митрополит Арсений (Стадницкий), не пропустивший ни одного из заседаний Поместного Собора и бывший председателем на 140 заседаниях, сделал заявление, которое можно воспринимать не как итог дискуссии о канонах, а скорей уже как крик отчаяния.

Анализируя выступления по вопросу об округах, митрополит Арсений замечает, что члены Собора опираются на одни и те же каноны для доказательства противоположных утверждений. «Вот тут-то и является задача, которая должна подлежать решению Собора если не сейчас, то в будущем. Ведь нельзя же так, простите за выражение, жонглировать канонами подобно юристам, которые вычитывают статьи законов. <...> Нужно решить, какие каноны имеют такое обязательное значение, что я за них должен жизнь свою положить. Правда, наука и жизнь идут своими путями к решению этого вопроса. Наука показывает, что одни каноны догматического характера как основные имеют постоянное значение и не подлежат изменению, а другие применялись только к местным условиям и в течение известного времени². Еще святитель Григорий Богослов называл некоторые каноны мертвыми, так как они уже не имели применения к жизни. Почему же нашему или следующему Собору не заняться этим вопросом и не решить, что одни каноны как догматические имеют основное и неизменное значение, другие – только нравственное, а третьи уже утратили свое значение для всей Церкви. Ведь это предоставлено свободе Церкви, и мы не должны думать, что Церковь могла свободно творить каноны только в период своего расцвета в первые семь веков. Разве Дух Святой только тогда действовал в Церкви, а теперь не действует? Разве мы не можем по сно-

¹ Состав комиссии был утвержден 19 июня 1918 г. см. ГАРФ. Ф. Р-3431. Д. 576. Заключение В. Н. Бенешевича см. в Деяниях XXXI. 28 октября 1917 г. Кроме решения о создании комиссии дело не содержит никаких других документов комиссии.

² В подтверждение этой мысли можно привести мнение Никодима еп. Далматинского: «Дисциплинарные законы не неизменны, они могут изменяться по потребностям церкви и переменам, вызываемым общественным состоянием того или другого века. Это изменение законов, конечно, происходило и должно происходить, но непременно под условием сохранения основных законов церковного устройства». *Никодим, еп. Далматинский*. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 61.

шении с автокефальными Церквями разрешить этот вопрос? <...> Канонично было то, что разумно применялось: в одной Церкви одна форма, а в иной – другая. Вот почему и мы, занимаясь устройством русской церковной жизни, несомненно, на канонических началах, должны применяться к данным условиям <...>¹.

Итак, в этом выступлении ясно сформулирована задача определить, какие каноны не подлежат изменению, и за какие нужно «положить жизнь», и какие каноны могут пониматься как второстепенные и носящие лишь временный характер.

Определить это можно лишь с позиций эклессиологии. Но эта задача должна быть поставлена.

Еще Н. К. Соколов писал, что древние каноны должны оставаться «высоким образцом и лучшим источником, из которого можно уразуметь дух церковного управления и извлекать руководящие начала для законодательства»². Церковь имеет право «вновь вызывать к жизни забытое, восстанавливать искаженное временем, применять то, что может быть приспособлено»³.

Сделанный обзор позволяет прийти к следующим выводам:

1. Осталась невыполненной задача, диктовавшаяся церковной жизнью, – создание канонического кодекса Русской Православной Церкви. Для выполнения этой задачи необходимо изучение и издание источников права.

2. Остается актуальной задача возрождения науки канонического права и конкретных исследований в области церковных канонов. Однако здесь нужно избегать повторения ошибок XIX в., и не ставить целью подведение канонического базиса под современную практику и современные нестроения, а ставить задачу уяснения смысла церковной жизни через историю канонов и освоения канонического наследия. И церковную практику, и церковные каноны необходимо подвергать серьезному историческому анализу.

3. Необходимо изучение правовой традиции и церковного устройства в первую очередь Православных Церквей, в том числе и старообрядческой, а также других христианских конфессий, накопивших немалый правовой опыт. Даже отрицательный опыт здесь может быть полезен, так как его изучение дает возможность прояснить, что же в нем неприемлемо для православного канонического сознания.

¹ ГАРФ ф. Р-3431, дело № 172. Деяние, л. 23–98.

² Соколов Н. К. Из лекций по церковному праву. М., 1874. Вып. 1. С. 160.

³ Там же. С. 161.